— Не волнуйся, сынок, мама в порядке. Просто очень-очень счастлива.

Мэн Юнь быстро вытерла слезы. Хотя все эти дни она изображала безразличие к тому, что деньги могут оказаться потраченными впустую, разве могла она и в самом деле быть равнодушной к целому слитку серебра, который пришлось заплатить поручителю за ее маленького ученика?

И вот теперь ее сын стал аньшоу. Она и представить себе не могла, что такой день наступит.

В один момент из нее хлынули все накопленные обиды и огорчения. Теперь-то она сможет, как говориться, стоять с гордо поднятой головой. Вот что чувствовала Мэн Юнь в этот момент.

Больше никто не посмеет недооценивать их с сыном, не посмеет смеяться над тем, что мальчик семи лет от роду осмелился сдавать окружной экзамен. Ее семилетний сын теперь — подающий надежды ученый, и ни один человек в стране не сможет найти к чему придраться.

— Аньшоу округа! Неужели ты дал своей матери такой огромный повод для гордости! Ты точно мой сынок? Как ты только можешь быть таким умным? — госпоже Мэн Юнь очень хотелось обнять и поцеловать сына, но вокруг них было слишком много людей. Хотя ее сыну было всего семь лет, но он теперь аньшоу, перспективный ученый, так что нехорошо будет совершать подобные действия на глазах у публики.

Раз она не может использовать руки, то у нее остались только все те слова, которые она сможет придумать, чтобы похвалить сына и выразить свое волнение.

— Что? Это аньшоу?!

— Должно быть, так и есть. Вроде бы говорили, что это тот ребенок, который ест пельмешки.

— Не могу поверить, что проиграл семилетнему ребенку!

Если бы аньшоу стал любой другой, его бы уже окружили со всех сторон и засыпали поздравлениями и расспросами. Но им стал Цзян Лю, который выглядел как ребенок, и другие новоиспеченные ученые в нерешительности топтались на месте. В конце концов, для всех этих взрослых, поздравлять семилетнего мальчика и просить у него совета было немного унизительно. Никто не хотел терять лица.

Однако у других кандидатов в студенты из клана Цзян таких опасений не было, и вскоре Цзян Лю был окружен ими. Все поздравляли и хвалили его.

Первым обрадовался, но и быстрее всех закончил выражать свою радость Цзян Фанчжэн.

В конце концов, он был тем, кто уже сдал все три этапа окружного экзамена и получил звание студента. Он прекрасно знал, что гордыня и высокомерие ведут к поражению. Поэтому, дав всем немного пошуметь, он поспешил увести своих учеников к арендованному ими дому, чтобы паковать вещи и ехать в районный центр Фучэн, готовиться к следующему экзамену.

Разрывы между этапами окружного экзамена не так уж велики. Дорога до Фучэна, займет у них четыре-пять дней. Они должны прибыть на место недели за две до срока или, как минимум, дней за десять, иначе им не удастся арендовать подходящее жилье, что может в итоге сказаться на результатах экзаменов.

Тем, кто не сдал экзамен, естественно, тоже пришлось собирать вещи. Им предстояло вернуться в родную деревню и терпеливо готовиться к окружным экзаменам в следующем году.

Но прежде чем они успели отправиться в путь, пришел гонец из их деревни.

— Это нехорошо. Что-то случилось в клане.

Гонцом оказался двоюродный брат Цзян Фанчжэна. Он пришел в большой спешке и к тому моменту, когда нашел арендованный ими дворик, уже изрядно запыхался.

— В чем дело? — с подозрением спросил Цзян Фанчжэн, увидев обеспокоенное выражение лица своего кузена.

— Это трудно объяснить на людях, но дядя приказал вам забрать Цзян Лю с матерью и быстро вернуться домой, — задыхаясь выговорил наконец посланник.

— Как Цзян Лю может вернуться сейчас? Ему нужно готовиться к районному экзамену!

Хотя аньшоу мог получить звание студента напрямую, пропустив оставшиеся два этапа окружного экзамена, но полученное таким образом звание было не таким престижным, как проверенное испытаниями в трех экзаменах подряд. Если Цзян Лю сможет сдать все экзамены на высоком уровне, он станет стипендиатом, а это повысит репутацию всех ученых клана Цзян.

П.п.: Во времена династий Мин и Цин 30-40 лучших студентов каждого округа получали от государства материальную поддержку. Размер в разных регионах и в разные годы отличался, но мог достигать четырех слитков серебра в год. Напомню, 1 слиток серебра = 1200 медных монет.

Так что Цзян Фанчжэн не хотел останавливаться на полпути и откладывать поездку в Фучэн, если причина не была действительно важной.

— Цзян Лю сдал экзамен? — изумился посланник. Когда он услышал, как Цзян Фанчжэн

говорит о подготовке к районному этапу экзамена, он уже понял, что Цзян Лю успешно сдал первый этап. Но он даже предположить не мог, что тот занял первое место в рейтинге и стал аньшоу.

Но радость его была недолгой. Оглянувшись на многочисленные любопытные глаза, гонец отвел Цзян Фанчжэна в сторонку и рассказал:

— В деревню пришел мужчина, который объявил, что состоит в отношениях с Госпожой Тофу и хочет взять ее в качестве наложницы. Он неизменно повторял, что они с госпожой Мэн Юнь уже давно сошлись, и что у него даже есть ее нательное белье. Если об этом станет известно, как она сможет сохранить свою репутацию? А если она потеряет репутацию, как Цзян Лю сможет продолжить сдавать экзамены? Поэтому патриарх велел мне привести ее, чтобы они могли встретиться лицом к лицу.

Для ученого репутация имела первостепенное значение. Если станет известно, что у овдовевшей матери Цзян Лю плохая репутация, его карьера определенно рухнет. Именно потому, что патриарх ценит Цзян Лю, он решил сразу же вернуть мать с сыном, чтобы прояснить ситуацию.

— Что?! — Цзян Фанчжэн был потрясен: это дело действительно было большой проблемой.

Однако, судя по тому времени, которое он провел с Цзян Лю и его матерью, Госпожа Тофу была очень добропорядочной женщиной и, определенно, не походила на ту, что способна совершить подобный скандальный поступок.

Кроме того, учитывая блестящие перспективы Цзян Лю, у нее не было причин вести себя столь легкомысленно только ради того, чтобы стать чьей-то младшей наложницей.

— Вы, ребята, отправляйтесь в Фучэн первыми. В клане кое-что случилось, поэтому мне придется вернуться с Цзян Лю и его матерью. Мы присоединимся к вам, как только закончим с делами там, — дважды подумав, Цзян Фанчжэн решил все же вернуться.

Независимо от того, было это правдой или нет, он не мог позволить продолжать разрастаться этой проблеме.

В отличие от Цзян Лю, который давно к этому готовился, Мэн Юнь была совершенно сбита с толку и даже не догадывалась, что все это связано с ней. Когда уже на полпути к деревне Цзян Фанчжэн объяснил в чем дело, Мэн Юнь так разозлилась, что чуть не сломала перила телеги, на которой они ехали.

— С того момента, как я стала вдовой, я всегда следовала правилам. Я ни разу не разговаривала с мужчиной о чем-то другом, кроме производства и продажи тофу. Даже выбирая цыплят для выращивания дома, я брала только кур и не осмеливалась растить петухов! Какой подлец решил оклеветать меня?!

Мэн Юнь действительно была в ярости. Ее честь связана не только с ее судьбой, но и с репутацией ее сына. Как она могла смириться с мыслью, что блестящее будущее ее сына может быть омрачено внезапно появившимся бессовестным подлецом?

— Главное, что это дело связано с семьей вашего деверя, — продолжил свой рассказ кузен Цзян Фанчжэня. — Он с женой настаивал, что все это правда потому, что у того мужчины было ваше нижнее белье. Они устроили сцену перед большим скоплением народа. Патриарх хотел остановить их, но не смог — стольким людям рот не заткнешь. Поэтому только вы сами можете противостоять этому человеку, госпожа Юнь-цзы.

Если бы во время инцидента присутствовало только несколько человек, патриарх смог бы унять слухи, но в нынешней ситуации всех кумушек молчать не заставишь.

Вместо того чтобы оставить людей в уверенности, что грехи Мэн Юнь уже доказаны, лучше разъяснить этот вопрос публично.

— Так и знала, что здесь замешаны эти два навозных жука! Они просто не могут пережить, что у нас все хорошо, — задохнулась от возмущения Мэн Юнь.

Она догадывалась, что за мужчина явился к ней на порог. Сколько неприятностей из-за ее лица! Она в любом случае не собирается снова выходить замуж, так, может, стоит испортить эту приносящую одни только беды мордашку прямо на глазах у этих так называемых родственников? И тогда посмотрим, найдется ли хоть один мужчина, который возжелает такое лицо!

Госпожа Мэн Юнь сжала кулаки и твердо решила изуродовать себя. Если она сама такое сделает, то кто угодно поверит, что она никогда и не думала о повторном замужестве. Таким образом, репутация ее сына будет сохранена.

Чего бы это ни стоило, она не может утащить своего драгоценного сына на дно.

Вскоре они вчетвером прибыли в деревню Цинъян. К моменту прибытия телеги у Храма предков собралась целая толпа зевак. В центре людского скопления Цзян Эрчун с женой и управляющим Лю с нетерпением ждали приезда Цзян Лю с матерью.

— Вон они, они идут!

— Тц, вот уж не ожидала, что Мэн Юнь и правда не вынесет одиночества.

— Не так уж это и неожиданно. Если бы у тебя было такое лицо, ты бы согласилась остаться вдовой в таком юном возрасте?

Мэн Юнь протиснулась сквозь толпу к самому центру и со злобой уставилась на Цзян Эрчуня и

его жену. В прошлом она была слишком мягкосердечной. Если бы она сразу покромсала на мелкие кусочки этих двух негодяев, то сейчас бы не знала забот.

— Госпожа Юнь-цзы...

Увидев Мэн Юнь, управляющий Лю сразу прикипел к ней взглядом. Ему казался привлекательным даже этот ее грозный вид с сурово нахмуренными бровями. Как жаль, что нельзя сразу обнять ее и вдохнуть милый сердцу аромат.

— Управляющий Лю, у меня нет вражды с вами, почему же вы присоединились к Цзян Эрчуну и его жене, чтобы оклеветать меня? — требовательно спросила Мэн Юнь, указав рукой на Цзян Эрчуня и его жену.

— О чем вы говорите, госпожа Юнь-цзы? Мы уже так давно любим друга! Вот, вы же даже подарили мне это дудоу в знак своей любви, — и управляющий Лю достал из кармана маленькое дудоу с вышитыми цветами пиона. Его ярко-красный цвет заставил окружающих переглянуться: прошло так мало времени после окончания траура по Цзян Дачуню, а Мэн Юнь уже носит такое дудоу?

Управляющий Лю слышал, о чем шепчутся люди, и втайне радовался. В этот раз она уж точно не сможет вырваться из его рук.

Он и правда не ожидал, что под праведной внешностью Мэн Юнь скрывается такая кокетка. Даже на девушках из борделя ему не приходилось видеть подобного дудоу. Насколько же великолепно оно будет смотреться на ее теле?

— Погоди-ка, говоришь, эта вещица — доказательство нашей любви? — Мэн Юнь, которая разъярилась настолько, что была готова изуродовать собственное лицо, лишь бы доказать свою невиновность, вдруг остановилась. Выражение ее лица стало немного странным.

— Да, это именно та вещь, которую ты оставила мне в залог нашей любви в ту лунную ночь, — управляющий Лю решил, что она потрясена, увидев свое дудоу, попавшее в руки случайного человека, поэтому не обратил особого внимания на ее реакцию.

— О, не смей это отрицать. Если этот дудоу не твой, то чей же? Когда наши семьи еще не разделились, я сама видела, как ты вывешивала эту вещь на просушку во дворе, — с уверенностью солгала Су Паньюнь, которой показалось, что Мэн Юнь собирается все отрицать. В конце концов, она собственными глазами видела эту вещь в ее шкафу, так что оно никак не может быть подделкой.

— Управляющий Лю, вы уверены, что владелец этого предмета поклялся вам в вечной любви? — Цзян Лю отодвинул в сторону свою прекрасную мать и, строго спросил, указывая на ткань в руке мужчины.

— Конечно! — управляющий Лю не собирался растрачивать свое внимание на первенца Мэн Юнь. Так или иначе, ее репутация уже дала трещину. Хоть он и слышал, что у этого мальчонки талант к учебе, но какой учитель примет к себе ученика с таким пятном на чести семьи?

— Могу я узнать у патриарха: какое наказание ожидает того, кто строит козни против заслужившего звание студента? — поинтересовался Цзян Лю.

— Какие еще козни против студента? Кто строит козни против ученого? — всполошился управляющий. Широко распахнув глаза, он уставился на не по годам зрелого мальчика перед собой и вдруг почувствовал, что прыгнул в волчью яму.

— Община еще не знает, что в этом году на окружном экзамене Цзян Лю занял первое место, так что его уже можно назвать студентом, — объявил стоявший сбоку Цзян Фанчжэн и толпа разом загудела.

Цзян Лю — аньшоу округа?!

Ему всего семь! К семнадцати-двадцати годам он может достичь имперских экзаменов и стать ученым первого ранга! Все они из одного клана. Если Цзян Лю добьется успеха, от этого выиграют все.

В глазах патриарха, который тоже только сейчас узнал эту новость, вспыхнула ярость. Теперь ценность Цзян Лю стала еще выше. Просто необходимо сохранить его репутацию сегодня любым путем.

А тем временем управляющий Лю понял, что дело плохо. Он был всего лишь управляющим в доме ученого второго ранга и не обладал достаточной властью, чтобы оскорбить талантливого ученого любой ступени. Однако оскорбление уже произошло, так что единственное, что ему остается сделать — полностью уничтожить этот саженец, каким бы талантливым он ни был.

В конце концов, этот мальчишка еще не стал ученым официально, не так ли?

Пока сердце управляющего Лю наполнялось безжалостностью, Цзян Лю снова выступил вперед, не давая ему времени на раздумья.

— Управляющий Лю сказал, что он с владельцем этого куска ткани дали друг другу клятву вечной любви, но, осмелюсь спросить, как же я мог сделать это, если я не женщина и мне всего семь лет? — громко спросил Цзян Лю, вновь указывая на вещь в руках противника.

— Даланг, что за чушь ты несешь? Очевидно же, что управляющий Лю говорил о клятве вечной любви между ним и твоей матерью! — опомнилась и поспешила вмешаться Су Паньюнь, тоже потрясенная известием о том, что Цзян Лю стал аньшоу.

И как только такой глупый мальчишка, не способный разобраться в ситуации, мог стать аньшоу? Даже ее сын был намного умнее его. Раз этот глупец мог добиться таких высот, выходит и ее сын сможет?

— Боюсь, когда младший дядя и младшая тетя пробрались в наш пустующий дом, чтобы украсть вещи, они были невнимательны и решили, что это дудоу моей матери. Вот только, на самом деле это мой детский слюнявчик. Если не верите, посмотрите сами: там на лепестке одного из пионов вышито мое имя.

Цзян Лю давно ждал этого. В прошлом варианте жизни оригинального владельца тела, эти двое смогли украсть нательное белье Мэн Юнь и успешно подставить ее. Загнанной в угол Госпоже Тофу пришлось изуродовать свое лицо, чтобы защитить себя и сына.

В этот раз перед отъездом на экзамены Цзян Лю специально положил свой детский слюнявчик на самое видное место, чтобы он сразу попался на глаза Су Паньюнь.

Сама Мэн Юнь тоже была потрясена таким внезапным поворотом событий.

Этот детский слюнявчик купил Цзян Дачунь, когда только-только стал отцом и на радостях поглупел настолько, что пошел к вышивальщице и потратил все деньги от продажи тофу на слюнявчик, какой используют только в знатных домах.

Шелк, из которого был пошит этот детский нагрудник, был слишком хорош, а вышивка слишком богата. Мэн Юнь не хотелось портить хорошую вещь, поэтому она его спрятала и никогда не использовала для ребенка. Некоторое время назад Цзян Лю нашел его, сказал, что хочет оставить как сувенир, и попросил вышить на нем его имя.

Она никак не ожидала, что имя, вышитое на детском слюнявчике может стать доказательством ее невиновности.

Такую изящную вещицу, состоявшую всего лишь из куска ткани и нескольких завязочек действительно было легко принять за женское белье, особенно для Су Паньюн, которая нашла его в личном шкафу ненавистной невестки.

— Нет! Этого не может быть! Как это может быть слюнявчик?! — Су Паньюнь выхватила кусок ткани у управляющего Лю и стала внимательно рассматривать его. Среди пышных цветов пиона действительно был лепесток, с двумя вышитыми на нем маленькими иероглифами, которые можно было заметить, только присмотревшись. Но она не умела читать и не могла понять, действительно ли там написано «Цзян Лю».

И как такая красивая вещь могла оказаться не дудоу, а детским слюнявчиком?!

Су Паньюнь не могла в это поверить.

— Тут действительно имя Цзян Лю! — ей через плечо заглянул кто-то из грамотных членов общины.

Услышав заявление Цзян Лю, многие задумались о том, что этот кусок ткани действительно слишком мал, чтобы служить дудоу, так что поверили, что его слова имели смысл. Просто они никогда раньше не видели настолько изящного слюнявчика, поэтому людям просто не пришло такое в голову.

Теперь все стало ясно: разве могла мать использовать в качестве любовного залога слюнявчик собственного сына с вышитыми на нем инициалами? В этом не было ни капли здравого смысла.

Лицо управляющего Лю побелело как мел, когда он понял, что попал в чужую ловушку.

А люди смотрели на совершенно детское лицо мальчика, сохранявшего необычайно серьезное выражение, и пытались представить его с этим ярко-красным слюнявчиком на шее.

И как только этот малыш смог стать аньшоу округа?

П.п.: Благодарю за внимание :) Пожалуйста, поставьте свою оценку роману здесь: https://tl.rulate.ru/book/45346

Присоединяйтесь к нашей группе - https://vk.com/webnovell (промокоды на главы, акции, конкурсы и прочие плюшки от команды по переводам K.O.D.)

http://tl.rulate.ru/book/45346/1668389